

В. Н. ВОЕЙКОВ

<Гибель императора Николая II>*

<Фрагмент>

6 июня в газетах писалось, что государь убит, а наследник жив; 10 июня появилось известие, что государь убит, а наследник умер; 12 июня последовало опровержение обоих этих слухов; 6 июля промелькнуло известие, что государь расстрелян; а затем распространился слух и о расстреле всей царской семьи. Определенных сведений получать не удавалось: приходилось довольствоваться гадательными известиями, с одной стороны, о трагической кончине царя и семьи, а с другой — об их спасении. Обе версии подтверждались доказательствами подчас весьма сомнительного характера. Доходили слухи о нескольких попытках спасения царской семьи во время ее пребывания в Тобольске и о том, что чья-то сильная рука систематически парализовала деятельность

* Впервые: *Воейков В. Н. С Царем и без царя: Воспоминания последнего Дворцового Коменданта Государя Императора Николая II В. Н. Воейкова*. Хельсинки, 1936. Печатается по: *Воейков В. Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II В. Н. Воейкова*. М.: Воениздат, 1995. С. 341–352.

Воейков Владимир Николаевич (1868–1947) — русский военный и придворный деятель, приближенный императора Николая II, генерал-майор Свиты Его Императорского Величества. С августа 1907 г. — командир лейб-гвардии Гусарского полка, шефом которого был император Николай II. В июне 1913 г. занял вновь учрежденную должность главнонаблюдающего за физическим развитием населения Российской империи, а 24 декабря 1913 г. был назначен дворцовым комендантом. В должности состоял вплоть до Февральской революции 1917 г. До сентября 1917 г. содержался в Петропавловской крепости, откуда был переведен в больницу. В октябрьские дни 1917 г. сумел бежать. Умер в эмиграции.

Заглавие дано составителем. — *Примеч. сост.*

монархических группировок, поставивших себе целью спасение государя императора Николая II с семьей.

Переезд в Екатеринбург создал новую обстановку, новые условия жизни, сильно ограничив число лиц, входивших в соприкосновение с царской семьей. Что делалось за забором Ипатьевского дома — знало очень мало людей. Рассказ об убийстве государя, императрицы, наследника цесаревича и четырех великих княжен наводил на вопрос, почему руководители его, с одной стороны, проявляли намерение его скрыть, а с другой — стремились дать самую широкую огласку некоторым эпизодам этого события? Еще более непонятным является уничтожение останков: то действовала серная кислота, то происходило сожжение на костре и бросание в шахты, то отвоз в болото... Версий много; данных еще больше, а настоящей правды, по-видимому, известно очень мало.

Что касается брата нашего царя — великого князя Михаила Александровича, то судьба, его постигшая, дает столько же загадок, как и судьба нашего государя. Доподлинно известно одно: что 27 февраля он был арестован в Гатчине и в теплушке отправлен в Пермь, откуда был увезен неизвестно кем и куда.

С течением времени все уменьшается число людей, сомневающих в гибели царя и его семьи. Но в чем нет никаких сомнений, это в том, что личность царя не была справедливо оценена его подданными и что всю красоту его нравственного облика поймут только будущие поколения, которые (нужно надеяться) сумеют охранить честь и достоинство великой России. Также поймут и оценят в будущем государя Николая II и все народы мира.

Он пал жертвой натиска интернационалистов, встретивших единодушную поддержку со стороны чужестранцев: всем им было на руку падение великой России на пути ее к расцвету и прогрессу под скипетром «белого царя».

Государь, своими незаслуженными страданиями на жизненном пути напоминавший многострадального Иова, в день памяти которого родился, будучи несомненно глубоко религиозным человеком, смотрел на исполнение своего долга по отношению к родине как на религиозное служение. Его тяжелые переживания почти с первых дней царствования (Ходынка, Японская война революционное брожение 1905 года, мировая война 1914 года, революция 1917 года) направили его дух в сторону мистицизма и покорности судьбе. Эта покорность не покидала

царя и в тяжелые годы его заточения: в первую годовщину после отречения он записывает в свой дневник следующие слова:

«Сколько еще времени будет наша несчастная родина терзаема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что долгие терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать? А все-таки, никто, как Бог. Да будет Его Святая Воля.

Тобольск, 2–15 марта 1918 г.».

В душе царя жил и необыкновенный оптимизм, в особенности во всем, что касалось великого будущего России. Этот оптимизм резко выразился в его последнем приказе, не дошедшем до народа. Высокие нравственные качества императора Николая II отразились и на его семье. Как запись в дневнике государя, так и цитируемое в прошлой главе письмо государыни проникнуты редко встречаемыми незлобностью и всепрощением царской четы, которая в несчастье проявила еще больше величия духа, чем на вершине власти. Государь был общителен и привлекал к себе сердца всех, близко знавших его: даже некоторые из нагих тюремщиков были покорены его обаянием.

Самое дорогое после Родины составляла для царя его семья. Взаимоотношения, существовавшие как у Их Величеств, так и у детей к родителям и между собой, служат лучшим показателем того, каким редким семьянином был царь. Хотя жизнь государя протекала в тесном семейном кругу, но он охотно проводил время и в обществе, особенно в военной среде. Одной из отличительных черт государя была его выдержка. Будучи по натуре очень вспыльчивым, он с детства много работал над собой под руководством своего воспитателя — англичанина мистера Хисса — и достиг громадного самообладания. Мистер Хисс часто напоминал своему царственному воспитаннику английскую поговорку, гласившую, что аристократами люди рождаются, а джентльменами делаются.

Многие принимали самообладание царя за безразличие, на самом же деле оно было результатом его большого умения владеть собой: вполне отдавая себе отчет о значении всего происходившего, он в очень редких случаях делился своими переживаниями, обыкновенно же скрывал свои волнения. Государь был человеком широко образованным и быстро разбирался во всяких вопросах. Такое впечатление о нем получалось как из разговоров на научные темы, так и при докладах о государственных делах. Работоспособность государя была поразительная, ежедневно он

успевал прочитывать целую грудку всеподданнейших докладов министров и главноуправляющих, причем возвращал их со своими пометками или резолюциями обыкновенно в тот же день. Резолюции Его Величества по всем отраслям государственного управления ярко выражали заботы царя о благе народа, но, к сожалению, могли оцениваться только теми, кого касались; большинство же подданных довольствовались лишь скудными сведениями, которые давала о государе печать, стесненная придворной цензурой, что отчасти способствовало распространению лживых слухов, умышленно пускавшихся с целью подрыва престижа монарха.

Теперь видны ошибки этой цензуры, разрешавшей печатать из жизни царя исключительно трафаретные осведомления о выходах, балах, приемах, смотрах, торжествах и высочайшем присутствии, т. е. о внешней стороне царской жизни, в то время как то, что могло пролить яркий свет на проявлявшиеся высокие качества государя и его внутреннюю жизнь, почему-то замалчивалось; вследствие этого читающая публика не имела полной картины как жизни, так и деятельности царя. Не знала широкая публика и о доброжелательности императора Николая II, примером которой из массы фактов может служить следующий: остановившись во время войны в Киеве только на несколько часов, государь, случайно узнав от меня об отчаянии одного жениха, который был внезапно мобилизован, собственноручно поставил на всеподданнейшем прошении резолюцию: «Разрешаю и благословляю», повелев немедленно вернуть прошение подателю. Осчастливленная молодая парочка повенчалась, благословляя своего царя. Редко говорилось в печати и о том, что почти все улучшения как в положении, так и в довольствии офицеров и нижних чинов исходили исключительно от инициативы императора Николая II, хорошо знакомого с укладом военной жизни.

Государь обладал необыкновенной природной памятью: он никогда не забывал того, что слышал или прочел, так же как помнил всех, когда-либо ему представлявшихся, поражая напоминанием подробностей обстановки или разговора при последней встрече. Ум государя императора Николая II был оценен графом Л. Н. Толстым, в письме которого к Его Величеству находим слова: «Вы — добрый и умный человек».

Будучи мягкого характера и очень деликатным в своей манере обращения с людьми, государь не мог превозмочь себя и открыто

высказывать в лицо свое неудовольствие. Многие ставили ему в упрек то, что, решив уволить министра, он не говорил ему этого сам, а прибегал к перу, чтобы вслед за уходом министра с доклада запиской сообщить ему свое решение. Принималось это за слабость и фальшь, тогда как на самом деле было следствием того, что государю было слишком тяжело видеть чужое страдание.

Хотя власть царя и была неограниченна, но он никогда не давал этого чувствовать, а, наоборот, был строгим блюстителем законов родины и отличался большой бережливостью, в особенности в личной жизни. Придавая внешности мало значения, он отличался необыкновенной доступностью, чувствовалось, что государь совершенно не думал о производимом им впечатлении и был скорее застенчив. При высоком положении царя поражало его сердечное отношение к людям, ярко проявлявшееся в его обращении к ним, так что про него вполне можно было сказать: «И на чреде высокой не забыл святейшего из званий — человек».

Но самыми главными чертами характера государя были его благородство и самоотверженность. Ими объясняется решение царя принять на себя Верховное командование армией, дух которой был поколеблен неудачами и которую он надеялся воодушевить своим личным присутствием, думая, что в такие трудные для Родины дни он должен взять на себя ответственность и пожертвовать собой. Самоотвержение руководило государем и в его решении отречься от престола: увидев 2 марта кругом себя измену, он считал, что должен принести себя в жертву русскому народу; надеясь своим отречением спасти Родину от внутренней смуты, он на самом деле отдал горячо любимую им Россию в полную власть революции — стихии ненависти, злобы и мести.

Современники совершенно не оценили рыцарского характера императора Николая II, так как не входило в расчеты руководивших общественным мнением вожakov либеральных направлений представить его народу в его истинном свете. Поставив себе одной из главных целей дискредитирование царя и царицы, одни сознательно, а другие несознательно — подтачивали вековые устои престола, с крушением которого не могла не рухнуть и разноплеменная Россия.

Государь, при нравственной своей чистоте, не допускал даже мысли, что кто-нибудь мог поверить распространяемой о нем клевете и что таким психозом мог быть охвачен народ, который он так искренно любил и которому беспредельно верил.

Когда мне приходилось во время всеподданнейшего доклада касаться антиправительственной работы, я, с одной стороны, замечал, что царь считал мои сообщения преувеличенными, а с другой — у меня создавалось впечатление, что государь все знает, но не высказывает своих мыслей, ошибочно считая несвоевременным что-либо предпринимать, до окончания войны, против общественных деятелей.

Дорвавшись после революции до власти, интернациональный сброд стал мстить павшему монарху и печать наполнилась самыми лживыми и гнусными пасквилями по адресу отрекшегося самодержца.

...Но времена помрачения рассудка, по-видимому, проходят, сегодня уже можно в печатном слове уловить начало просветления, благодаря которому люди постепенно дойдут до настоящей оценки высокой личности царя Николая II, своей преданностью святой церкви и горячей любовью к родине напоминающего древних русских царей.

В сердцах знавших государя императора Николая II память о нем есть и будет священна...

